

Поэт наклоняется к руке девушки. Она касается губами его волос и медленно отнимает руку...

Коктебель. На четырёхугольной вышке Дома Поэта стоит его хозяин, Максимилиан Волошин, глядяваясь в звёздную даль. Может быть, ему кажется, что совсем ещё юный отрок пробежал по одному из уступов Карадага, читая стихи...

РЕБЁНОК – НЕПРИЗНАННЫЙ ГЕНИЙ

...Молюсь о том, чтобы стать поэтом.

Автобиография

16 мая 1877 года в Киеве, на Тарасовской улице, в семье Александра Максимовича Кириенко-Волошина и его жены Елены Оттобальдовны, в девичестве Глазер, родился сын, которого назвали Максимилианом. Отцу было тридцать девять лет, матери – двадцать семь. Больше детей у них не было. «Моё родовое имя Кириенко-Волошин, и идёт оно из Запорожья, – писал Максимилиан Александрович сорок восемь лет спустя в „Автобиографии“. – Я знаю из Костомарова, что в XVI веке был на Украине слепой бандурист Матвей Волошин, с которого с живого была содрана кожа поляками за политические песни, а из воспоминаний Францевой, что фамилия того кишинёвского молодого человека, который водил Пушкина в цыганский табор, была Кириенко-Волошин. Я бы ничего не имел против того, чтобы они были моими предками».

Слепой бандурист, пострадавший из-за любви к родине и политической направленности песен... Что ж, весьма подходящий предок для писателя, проявившего в годы революции редкую бескомпромиссность...

Другой – близкий знакомый Пушкина (по уточнённым данным – Дмитрий Кириенко-Волошинов), поэта, чьё имя для Волошина было особенно дорого и которому будущий коктебельский житель посвятит такие строки:

Эти пределы священны уж тем, что под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля, по дороге в Гурзуф...

Но всё это родство, как говорится, неустановленное. Что же до непосредственного... Отец поэта, коллежский советник, состоял членом Киевской палаты уголовного и гражданского права. Судя по немногим сохранившимся свидетельствам, был он человеком добрым, общительным, писал стихи. Кстати сказать, единственное смутное воспоминание Макса об отце связано с его декламацией стихов – каких именно, ребёнок, естественно, не запомнил. Александр Максимович умер, когда мальчику исполнилось четыре года. Впрочем, он жил тогда уже отдельно от семьи. О своих предках Максимилиан Волошин пишет весьма бегло: «Отец мой никогда предводителем] дворянства не был. А был сперва мировым посредником, а потом членом суда в Киеве. У деда было большое имение в Киевск[ой] губерн[ии], а кто он был, не знаю, и вообще родственников] моего отца совсем не знаю» (из недатированного письма М. В. Сабашниковой).

Воспитанием ребёнка занималась мать, женщина волевая, широко образованная, из семьи обрусевших немцев. Её отец был начальником Житомирского телеграфного округа. Как вспоминал М. А. Волошин: «Дед по матери был инженером и начальником телеграфн[ого] округа (что-то важное). Его отец был синдик (видимо, представитель какой-нибудь промышленной или коммерческой корпорации. – С. П.) в каком-то остзейском городе – не то в Риге, не то в Либаве. А отец бабушки делал итальянский поход с Суворовым, а его отец был чьим-то лейб-медиком...» (в другом месте: «Прапрадед – Зоммер, лейб-медик, приехал в Россию при Анне Иоанновне»).

Лучший портрет матери поэта, Елены Оттобальдовны, дан Мариной Цветаевой,

которая познакомилась с ней в Коктебеле в 1911 году: «...отброшенные назад волосы, орлиный профиль с голубым глазом... Внешность явно германского происхождения... лицо старого Гёте... Первое впечатление – осанка. Двинется – рублём подарит... Второе, естественно вытекающее из первого: опаска. Такая не спустит... Величественность при маленьком росте... Всё: самокрутка в серебряном мундштуке, спичечница из цельного сердолика, серебряный обшлаг кафтана, нога в сказочном казанском сапожке, серебряная прядь отброшенных ветром волос – единство. Это было тело именно её души».

Возможно, отсюда – подмеченное Цветаевой «германство» Волошина: аккуратность, даже педантичность в привычках и поведении, творческая усидчивость; «при явно французской общительности – явно германский модус поведения, при французской количественности – германская качественность дружбы...». Этому глубинному германству Марина Ивановна приписывает даже волошинский пантеизм: «всебожественность, всебожие, всюдубожие, – шедший от него лучами с такой силой, что самого его, а по соседству и нас с ним, включал в сонм – хотя бы младших богов...», и мистицизм: «скрытый мистик... тайный ученик тайного учения о тайном».

Впрочем, «германством» творческий облик поэта отнюдь не исчерпывается: «Француз культурой, русский душой и словом, германец – духом и кровью». Мистик, пантеист, европеец с русской душой, «нерусский поэт начала», который «стал и останется русским поэтом». Пусть так... Ну а как определяет «прошлое своего духа» сам Волошин? Откроем столь часто приходящую на помощь исследователям и просто читателям «Автобиографию».

«Я родился... в Духов день, „когда земля – именинница“. Отсюда, вероятно, моя склонность к духовно-религиозному восприятию мира и любовь к цветению плоти и вещества во всех его формах и ликах. Поэтому прошлое моего духа представлялось мне всегда в виде одного из тех фавнов или кентавров, которые приходили в пустыню к св[ятому] Иерониму и воспринимали таинство святого крещения. Я язычник во плоти и верую в реальное существование всех языческих богов и демонов – и, в то же время, не могу его мыслить вне Христа». Это признание делает более понятным и близким душевный мир поэта, который Марина Цветаева определяла как «сосуществование» – ну, скажем, языческой мифологии, антропософских знаний, христианской эзотерики, да и много ещё чего.

Вернёмся, однако, в детские годы Макса. Самые первые воспоминания жизни: «1 год – Киев. Свет сквозь цветные стёкла». В феврале 1878 года Александра Максимовича переводят в Таганрог и назначают членом окружного суда. Вскоре туда переезжает и его семья. «2–3 года. Таганрог. Дача. Сад. Мощёная дорожка. Старая игрушка (поезд). Щенок-угольщик. С кормилицей на базар (нашёл дорогу). Ящерицу поймал». Действительно, в доме Волошина существовало предание о том, как крохотный ребёнок, Макс, сидя на руках или плечах у няньки, показывал ей, взявшей его на базар, дорогу домой, хотя нужно было идти переулками. И ещё один эпизод из самого раннего детства: «Ушёл из сада нашей дачи, где гулял голенький. Заблудился. Плакал». Дети совали в рот то ли пряник, то ли конфеты. «Но до этого ничего трагического». Тихий спокойный город. «Тень листвы, солнце, цветы, тишина».

Только вот в совместной жизни супругов Волошиных далеко не всё было гладко. Известно, что Елена Оттобальдовна, забрав двухлетнего Макса, ушла от мужа (произошло это в январе 1880-го), переехала в Севастополь, работала на телеграфе. Жильё ей предоставила подруга по Институту благородных девиц Н. А. Липина. «На своей родине я никогда не жил, – узнаём мы из „Автобиографии“. – Раннее детство прошло в Таганроге и Севастополе. Севастополь помню в развалинах, с большими деревьями, растущими из середины домов: одно из самых первых незабываемых живописных впечатлений». Севастополь, как свидетельствуют эти воспоминания, ещё не был восстановлен к началу 1880-х после Крымской войны 1853–1856 годов.

Со дна памяти поднимается на поверхность сознания нечто приятное и отвратительное, радостное и страшное. «Лестница спуска. Дом рыбака. Собака Казбек. Рыбак-хозяин ест

шоколад. Я прошу. Предлагает изо рта разжёванный. Отвращение». Порой снятся ужасно неприятные сны: «...вкус конского каштана, которым переполнен рот. Отвращение к гороховому киселю. Кухарка Дарья, которая его готовила...» Вспоминается море. «Купающиеся мальчики, которые отбегали от моря через дорогу. Острое ощущение наготы, обнажения. Стыдно и приятно».

По-видимому, к более позднему времени относятся эпизоды, описанные Мариной Цветаевой в очерке «Живое о живом». Близко общаясь с Еленой Оттобальдовной в Коктебеле, Марина Ивановна не раз оказывалась благодарной слушательницей рассказов матери о детстве этого крайне впечатлительного, изобретательного ребёнка. Вот несколько весьма колоритных сценок, воспроизведённых Цветаевой: «Жили бедно, игрушек не было, разные рыночные. Жили – нищенски. Вокруг, то есть в городском саду... – богатые, счастливые, с ружьями, лошадами, повозками, мячиками, кнутиками, вечными игрушками всех времён. И неизменный вопрос дома:

– Мама, почему у других мальчиков есть лошади, а у меня нет, есть вожжи с бубенчиками, а у меня нет?

На который неизменный ответ:

– Потому что у них есть папа, а у тебя нет.

И вот после одного такого папы, которого нет, – длительная пауза и совершенно отчётливо:

– Женитесь.

Другой случай. Зелёный двор, во дворе трёхлетний Макс с матерью.

– Мама, станьте, пожалуйста, носом в угол и не оборачивайтесь.

– Зачем?

– Это будет сюрприз. Когда я скажу можно, вы обернётесь!

Покорная мама орлиным носом в каменную стену. Ждёт, ждёт:

– Макс, ты скоро? А то мне надоело!

– Сейчас, мама! Ещё минутка, ещё две. – Наконец: – Можно!

Оборачивается. Плывущая улыбкой и толщиной – трёхлетняя упоительная морда.

– А где же сюрприз?

– А я (задохновение восторга, так у него и оставшееся) к колодезю подходил – до-олго глядел – ничего не увидел.

– Ты просто гадкий непослушный мальчик! А где же сюрприз?

– А что я туда не упал.

Колодец, как часто на юге, просто четырёхугольное отверстие в земле, без всякой загородки, квадрат провала... Ещё случай. Мать при пятилетнем Максе читает длинное стихотворение, кажется, Майкова, от лица девушки, перечисляющей всё, чего не скажет любимому: „Я не скажу тебе, как я тебя люблю, я не скажу тебе, как тогда светили звёзды, освещая мои слёзы, я не скажу тебе, как обмирало моё сердце, при звуке шагов – каждый раз не твоих, я не скажу тебе, как потом взошла заря“, и т. д. и т. д. Наконец – конец. И пятилетний, глубоким вздохом:

– Ах, какая! Обещала ничего не сказать, а сама всё взяла да и рассказала!

Последний случай дам с конца. Утро. Мать, удивлённая долгим неприходом сына, входит в детскую и обнаруживает его спящим на подоконнике.

– Макс, что это значит?

Макс, рыдая и зевая:

– Я, я не спал! Я – ждал! Она не прилетала!

– Кто?

– Жар-птица! Вы забыли, вы мне обещали, если я буду хорошо вести себя...

– Ладно, Макс, завтра она непременно прилетит, а теперь – идём чай пить.

На следующее утро – до-утро, ранний или очень поздний прохожий мог бы видеть в окне одного из белых домов... – лбом в зарю – младенческого Зевеса в одеяле, с прильнувшей, у изножья, другой головой, тоже кудрявой... И мог бы услышать прохожий:

– Ма-а-ма! Что это?

– Твоя Жар-птица, Макс, – солнце!»

Цветаева обращает внимание на «прелестное старинное Максино „Вы“ матери – перенятое им у неё, из её обращения к её матери. Сын и мать, уже при мне выпили на брудершафт: тридцатишестилетний с пятидесятишестилетней (шестидесятитрехлетней. – С. П.) – и чокнулись... коктейбельским напитком ситро, то есть попросту лимонадом».

Вдова поэта, Мария Степановна Волошина, вспоминала, что в 1926 году у них в Коктебеле гостил врач Семён Яковлевич Лифшиц, доктор физики Московского высшего технического училища, который занимался вскрытием «инфантильных травм» и устраивал своеобразные психоаналитические сеансы. Максимилиан Александрович вызвался быть объектом этих сеансов и позволил доктору не менее двадцати раз подвергать себя этим сомнительным, как считала Мария Степановна, опытам. С. Я. Лифшиц был ярким последователем Фрейда. Волошин, также знакомый с трудами последнего, был всегда открыт всему свежему, новому, интересному. В результате сеансов возникали некие «сны», в которых автобиографическое перемешивалось с фантастическим, обыденное приобретало сюрреалистический оттенок.

«Сны: самый страшный: видел самого себя. Обыкновенный мальчик-двойник. Другой сон: мужчина ведёт мальчика и девочку, ставит на пригорке на колени. Заставляет поднять рубашки, стреляет им в живот. Сны о революции». О прошлом или о будущем?.. О том, насколько важна для Волошина категория «сна» – в психофизиологическом или историософском смысле, – можно говорить долго. Вспоминается такое четверостишие:

Вышел незванным, пришёл я непрошеным.

Мир прохожу я в бреду и во сне...

О, как приятно быть Максом Волошиным

Мне!

Эта шутливая запись была внесена летом 1923 года в альбом «Чукоккала». И оставил её во времена отнюдь не шуточные зрелый, сорокашестилетний поэт, воспринимавший человеческую судьбу и мировую историю как вереницу сновидений, а самого себя – как толкователя «чужих снов». Однако вернёмся в детство поэта.

Предположительно в декабре 1881 года Елена Оттобальдовна с сыном, няней – чешкой Несси – и собакой Ледой покидает Таганрог. При ней капитал, как она напишет впоследствии сыну, около ста рублей. В Москве первоначально поселились на Большой Грузинской, затем переехали в Медвежий переулок, в квартиру, где, по воспоминаниям Макса, обои отделялись «от стены в бреду». И вновь – отчётливые детские воспоминания, «снимки» памяти: «Стучит в голове (хозяин ходит). Щенка на глазах раздавили. В жару, больного перевозят в дом Зайченко, в башлыке. Сводчатые ворота». Осталось в памяти «сумасшествие дядей. Дядя Саша: „Ты похож на Рафаэлева херувима“. Пятна на шкафчике... Его ужас. Пытался выкинуться из окна. „На нож! Режь меня!“». Александр Оттобальдович Глазер был действительно серьёзно болен психически. А вот и более приятное, скорее забавное, воспоминание: визит друга семьи, старика (в восприятии младенца) Ореста Полиеновича Вяземского. Макс показывал ему свои первые рисунки, естественно, людей. «У всех фигур были фаллы. Старик Вяземский рассматривал в пенсне: „Излишний реализм“...»

Елена Оттобальдовна устраивается на работу в контору при Московско-Брестской железной дороге. Её оклад составляет сорок рублей плюс восемнадцать рублей пенсии за мужа плюс десять рублей пособия из Дворянской опеки плюс пятьдесят рублей в качестве процентов с той суммы (порядка двенадцати тысяч рублей), которая досталась Максиму в результате дарственной от его бабушки и бабушки по отцу – Максима Яковлевича, киевского городского казначея, статского советника, помещика, и Евпраксии Александровны Кириенко-Волошиных.

Где-то в четыре-пять лет – «детский разрыв с матерью. Меня мать обвиняет в чём-то. В

чём – не помню. Я отрекаюсь, потому что знаю, что не брал, не делал. „Больше никому“... Обвинение во лжи. Гнев. Требование, чтобы сознался. (Сейчас вспоминаю – взял маленькую серебряную спичечницу.) С этого момента чувствую конченными все детские любовные отношения. На всю жизнь. Через 40 лет, когда мы оба забыли причину, этот исток недоразумений всплывает между нами в ссорах, и мать с той же страстью утверждает мою вину, и я с той же страстью отрицаю, хотя мы оба одинаково уже не помним пункт обвинения». Детское, конечно, недоразумение. Но и у взрослого Макса отношения с матерью, умной, властной, не расположенной к нежности, будут складываться весьма непросто.

Итак, с четырёх лет в жизнь Максимилиана Волошина входит Москва, «Москва из фона „Боярыни Морозовой“». Жили на Новой Слободе у Подвисков, там, где она в те годы писалась Суриковым в соседнем доме» («Автобиография»). Действительно, начало работы В. И. Сурикова над этой картиной приходится на 1881 год. Художник жил в это время в Москве на Долгоруковской улице, по соседству с недавно переехавшими туда Волошиными, делал наброски к картине, писал этюды. Однажды во время прогулки с няней маленький Макс увидел Сурикова за мольбертом. Эта встреча с большим искусством оказала на ребёнка большое впечатление. Он самозабвенно отдаётся рисованию.

Пройдут годы, и Волошин обратится к творчеству художника как искусствовед. В ходе встреч и бесед с автором «Боярыни Морозовой», в результате раздумий над его полотнами возникнет монография «Суриков», фрагменты которой будут публиковаться в 1916 году.

Наряду с рисованием у мальчика пробуждается интерес к литературе, возникает «опьянение стихами». «Любил декламировать, ещё не умея читать, – отмечает Волошин в „Автобиографии“». – Для этого постоянно становился на стул: чувство эстрады». Мальчик знал наизусть «Коробейников» Некрасова, «Конька-Горбунка» Ершова, «Ветку Палестины» Лермонтова, «Полтавский бой» Пушкина. Причем, как свидетельствует знавшая его в детские годы Валентина Орестовна Вяземская, этот бутуз, «красавчик в русском вкусе», «своеобразно выговаривал слова, растягивая гласные, и то выражение, которое он давал произносимому, было так оригинально, что все взрослые с интересом слушали». Летом 1882 года ребёнок сам учится читать по газетным заголовкам, так что с пяти лет начинается «самостоятельное плавание по книгам».

Валентина Вяземская была дочерью инженера-путейца Ореста Полиеновича Вяземского, в квартире которого, в Ваганькове, Елена Оттобальдовна поселилась с сыном весной 1883 года. Макс Волошину шёл седьмой год. Он уже познакомился со многими книгами из маминой библиотеки, предпочитая другим авторам Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Даля. Уже тогда ощущалось своеобразие его природы, привлекала живость характера. «Я была чуть ли не вдвое старше его, – вспоминает Валентина Орестовна, – ...но мне было веселее с ним, чем со своими сверстниками. В нём было такое интересное сочетание наивной простоватости с острым умом и наблюдательностью. Он мог тут же подряд поразить то нелепостью, то мудростью не по летам своих мыслей и суждений».

Сохранились фотографии Макса этого периода жизни, остались описания его внешности, сделанные близко знавшими его людьми. Одет он был, как правило, стильно: летом, например, ходил в матросском костюмчике. Румяный, веснушчатый (веснушки его не портили), разговорчивый ребёнок с глазами то задумчивыми, то насмешливыми, то хитренькими. Словоохотливый, он, однако, умел слушать собеседника. Любил подолгу рассматривать картинки. С увлечением декламировал «Полтавский бой», «Бородино», отрывки из «Демона», причём слова «Когда он верил и любил» произносил с необыкновенной для своего возраста силой и убедительностью. Как-то на вопрос о том, что ему особенно нравится в «Полтаве», ответил: «Сии птенцы гнезда Петрова». И далее – до «полудержавный властелин». Однако, что всё это означает, он, естественно, объяснить не мог. «Это вышло очень комично, но, в сущности, – справедливо отмечает В. О. Вяземская, – в поэзии прелесть непонятных, то есть действующих не на сознание, а на подсознание, строк пленяет очень многих, и в наше время это-то и считается поэзией. И его казавшиеся

смешными слова были глубоки».

Юный Макс был весьма азартен и охотно участвовал в конкурсе декламаторов, как вспоминает та же подруга его детства: «Мой дядя Митрофан Дмитриевич... человек с сильной юмористической жилкой, чтобы его подзадорить, предлагал ему состязания: кто лучше скажет, например, „Бородино“... Однажды, когда для большего эффекта декламации ему посоветовали влезть на стол, он, спускаясь после прекрасно выполненной задачи, обратился к дяде: „Ну, Митрофан Дмитриевич, теперь вы полезайте на стол“». Столь же азартен был Макс Волошин и в еде. В этом отношении Елене Оттобальдовне приходилось ограничивать уже тогда склонного к полноте сына. «Ужасно потешно (но и немного жалко), – пишет В. О. Вяземская, – было слушать разговоры матери с сыном по этому поводу: „Мам, а мам (выговаривалось как-то „мум“)... я хочу...“ – „Ну хотя, хотя“, – отвечала совершенно серьёзно, без тени улыбки, эта оригинальная женщина. За вечерним чаем ему выдавалось 3 ломтя хлеба и 3 куса колбасы. Сначала (даже здесь проявлялась творческая жилка. – С. Я.) он съедал ломоть хлеба без колбасы, затем – с одним куском колбасы, и, наконец, наступал торжественный момент: Макс старался обратить на себя всеобщее внимание и ел один ломоть хлеба с двумя кусками колбасы».

Запомнились Валентине Орестовне и афористические высказывания Макса, меткие характеристики, которые давал он людям. «Например, лично обо мне он сказал: „Картонка с мозгом“. Я действительно была в то время в периоде философствования по всякому поводу». Так что «при некоторой нелепости формы высказывание Макса доказывало его наблюдательность».

Неудивительно, что когда к детям Ореста Полиеновича Вяземского, которые все были значительно старше Волошина, пригласили учителя – студента Константиновского Межевого института Никандра Васильевича Туркина, он стал заниматься и с Максом, готовить его к поступлению в гимназию. Московские и феодосийская гимназии мало что дали поэту, «...тоска и отвращение ко всему, что в гимназии и от гимназии», – жаловался он впоследствии. Зато повезло юному Максиму с наставником. «Начало учения: кроме обычных грамматик, заучивание латинских стихов, лекции по истории религии, сочинения на сложные не по возрасту темы», беседы о спиритизме и буддизме, о Достоевском; «Одиссея» Гомера, «Дон-Жуан» Байрона, рассказы Эдгара По, мифы Древней Греции... Конечно, не всё давалось легко. «В доме все спят, кроме Макса и Н. В. (Туркина. – С. Я.), которые сидят в соседней маленькой комнате, Максином „кабинете“, и учатся, – пишет Люба Вяземская своей матери. – ...Одни интонации Максиного голоса, переходящие от самых радостных до самых отчаянных, чего стоят! Он ужасно ленится думать и всё старается обойти необходимость шевельнуть мозгами». Однако главный результат всё-таки был достигнут. Своей «разнообразной культурной подготовкой я обязан... учителю – тогда студенту Н. В. Туркину», – констатирует Волошин в «Автобиографии».

Будучи сам человеком оригинальным и разносторонне образованным, Никандр Васильевич Туркин, ставший впоследствии видным журналистом и театральным критиком, сумел оценить своеобразие природы и своего ученика, заметить его тяготение к необычному, яркому, фантастичному. «Благодаря этому он и слушал чтение Эдгара По – очевидно, со смесью ужаса и наслаждения, когда Туркин ему читал, – полагает Валентина Вяземская. – ...Туркин вообще мудрил над ним, и со стороны казалось странным, что Елена Оттобальдовна ему это позволяла. Надо думать, что, с одной стороны, она была очень занята и не во всё входила, а с другой, что оригинальность этих отношений её забавляла и ей любо было, что фокусы учителя выявляют необычайность способностей ученика». Впрочем, вопрос ещё и в том, что как назвать и оценить. Можно ли, например, считать «фокусом» задание описать Кавказ «по Пушкину» в этнографическом и географическом аспектах? (Не будем забывать, что ученику-то всего семь с хвостиком.)

В юном возрасте пристрастие к необычному и сверхъестественному выглядит закономерным и вместе с тем несколько наигранным. Садясь за стол, маленький Макс мог протянуть руки и сказать: «Аминь, аминь, рассыпья, чур, моё место свято». Он избегал

некоторых «таинственных» мест в округе, произносил заклинания. Однажды во время игры в эти самые заклинания Валериан, сын хозяина квартиры, поднял его в воздух, перевернув вниз головой. Макс, однако, был уверен и убеждал в этом других, что взлетел вверх благодаря духам. «Наблюдая за ним, мы чувствовали, что ему казалось интересным верить в сверхъестественное, – высказывает свою гипотезу Валентина Вяземская, – жизнь при такой вере казалась ему красочнее и увлекательнее обыденной... Но... рядом с чудачком, которого можно было обмануть чем угодно и над которым все потешались, уже и тогда жил умный, трезвый человек, который отлично знал, что его морочат, но молчал об этом, ибо жизнь, если дать уму руководить ею, казалась ему скучнее». Мальчик любил быть в центре внимания, производить впечатление. «Поэтому ещё вопрос, кто кого водил за нос: те ли, кто дразнил его, или он тех, кто его дразнил». Склонность к лицедейству и мистификациям будет проявляться у Волошина и в гимназии, и позже, в коктебельском «обормотнике».

Религиозное воспитание Макса Волошина в этот период значительно отстаёт от общеинтеллектуального. «Его мать была интеллигенткой либерального склада, – заметит впоследствии вторая жена поэта Мария Степановна, – и это ей совсем не нужно было...» «Вся эта сторона меня не коснулась в детстве...» – признаётся и сам Макс, которого ожидали этапы мучительных подчас религиозно-философских «блужданий». Тогда же, вспоминает В. О. Вяземская, «он утром и вечером читал „Господи, помилуй папу и маму“ и кончал: „и меня, младенца Макса, и Несси“. Услыхав это, Валериан стал рассказывать, как Макс будет молиться в будущем. Сначала: „и меня, гимназиста Макса, и Несси“, потом: „и меня, студента М., и Н.“, и наконец, когда он станет важным лицом: „и меня, статского советника М., и Н.“».

К числу наиболее запоминающихся событий 1886 года следует отнести встречу в конце лета в Киеве с дедом по отцовской линии Максимом Яковлевичем Кириенко-Волошиным. О чём он беседовал с внуком – осталось невыясненным. Известно лишь, что Максим Яковлевич разработал весьма оригинальную концепцию этимологии своей фамилии. Он утверждал, что «Кириенко» происходит от греческого «господин», а «Волошин» – запорожское прозвище, означающее «выходец из Италии». Что ж, оставим эти лингвистические изыскания деда Максимилиана Волошина без комментариев. Бабушка, Евпраксия (Евгения) Александровна, богатая помещица, имевшая земли в Оренбургской, Полтавской и Черниговской губерниях, запомнилась внуку властной, богомольной старухой, в комнатах которой горели лампадки и толпились приживалки. Одна из её молитв начиналась словами: «Господи, прокляни...»

Во второй половине мая 1887 года Волошин сдаёт вступительный экзамен в частную гимназию Л. И. Поливанова, а с 1 сентября приступает к занятиям. Здесь же учились и дети Льва Николаевича Толстого, на которого порывистый бутуз Макс налетел как-то в одном из коридоров. «Ну, ты меня мог убить своей головой!» – пошутил, отдышавшись, великий писатель. Будущий же поэт понёсся дальше – приобретать знания, которые в конце первого полугодия были оценены следующим образом: Закон Божий – «отлично»; русский язык, французский язык, география и рисование – «хорошо»; латинский язык, чистописание и гимнастика – «удовлетворительно».

Поливановская гимназия считалась лучшей в Москве, но плата за обучение (200 рублей в год) оказалась для Елены Оттобальдовны слишком высокой. Пришлось переводить сына в 1-ю Московскую казённую гимназию. Макс держит экзамен и поступает во второй класс. Как уже отмечалось, Волошин чувствует себя здесь не в своей тарелке. Собственно, повторялась уже классическая ситуация, когда творческий ум не приемлет рутинную систему обучения. В «Автобиографии» встречаем подтверждение: «Это – самые тёмные и стеснённые годы жизни, исполненные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных знаний». Взаимопонимания с учителями достигнуто не было, о чём свидетельствуют посредственные, если не сказать низкие, отметки Макса, в том числе и по поведению – наказание, как отмечал позднее сам Волошин, «за возражения и рассуждения». В третьем классе дела пошли совсем плохо, и нерадивый гимназист был оставлен на второй

год. «Когда я переходил в феодосийскую гимназию, – вспоминает Волошин, – у меня по всем предметам были годовые двойки, а по гречески – „1“. Единственная „3“ была за поведение. Что по тогдашним гимназическим понятиям было самым низшим баллом, которым оценивался этот предмет... Я был преисполнен всяких интересов: культурно-исторических, лингвистических, литературных, математических и т. д. И всё это сводилось для меня к неизбежной двойке за успехи». Таким образом, внешние результаты, достигнутые в учении, не соответствовали потенциальным возможностям юного школяра. Страдала его репутация. «Когда отзывы о моих московских успехах были моей матерью представлены в феодосийскую гимназию, то директор... развёл руками и сказал: „Сударыня, мы, конечно, вашего сына примем, но должен вас предупредить, что идиотов мы исправить не можем“».

Однако будущий поэт относился к плохим отметкам весьма философски, не считая их подлинной оценкой своих знаний и способностей. Его духовный уровень, начитанность, пытливость ума уже тогда выделяли его не только среди товарищей, но и педагогов, что, кстати, подтверждает один из его однокашников, С. Полетаев: «Волошин уже в то время в 14–15-летнем возрасте был неизмеримо выше нас по своему развитию, начитанности и индивидуальному мышлению. Только теперь мне стали понятны его дискуссии и стычки с преподавательским персоналом и всё убожество окружавших нас педагогов, которые никак не сумели ни понять, ни поддержать начинающий талант, но которые даже старались высмеять его всенародно, т. е. перед лицом всего класса. Сильная натура Волошина, несмотря на своё явное превосходство перед товарищами, находила способы ужиться с нами, вероятно, часто очень неприятными для него ребятами-озорниками; с философским спокойствием переносил он гнёт педагогов, которые так явно уступали в своём развитии и миросозерцании 15-летнему человеку...»

Не забывая о своих прежних пристрастиях, Макс Волошин приобретает и новые. Осенью 1890 года, в двенадцатилетнем возрасте, он начинает писать стихи, которые впоследствии определит как «скверные». Склонность к рифмованию проявилась у Макса уже в раннем детстве, когда он импровизировал что-то наподобие: «В смехе под землёю жил богач с одной ногою»; или по поводу дня рождения: «Знаю, знаю: шестнадцатого мая». Эти способности, помноженные на острую наблюдательность и живую фантазию, не могли не развиваться в той историко-культурной атмосфере, в которой жил Волошин. Тогдашняя окраина Москвы Ваганьково и леса Звенигородского уезда, где поэту приходилось бывать, осознавались им как «классические места русского Иль-де-Франса, где в сельце Захарьине прошло детство Пушкина, а в Семенкове (скорее всего – Средниково, подмосковной даче Столыпиных. – С. П.) – Лермонтова». Юноша любит бродить в одиночестве: «Как пойдёшь лесом, какой-нибудь просекой: глушь, тишина, кажется, никого, кроме тебя, и на свете нет...» Лето 1890 года он проводит на даче в Троекурове, небольшой деревушке на берегу Сетуни, в которой сохранились остатки старинной барской усадьбы и церковь, построенная ещё князьями Троекуровыми в конце XVII – начале XVIII века. Вбирая в себя литературно-географические впечатления, читая русскую классику, увлекаясь Диккенсом, храня в душе детские севастопольские воспоминания, юноша испытывает то, что спустя 35 лет, вернувшись мыслью к этим годам, он выразит так: «Мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом».

«Чувство эстрады» побуждает его к участию в литературно-музыкальных вечерах в гимназии. Макс выступает с чтением стихов. Свои собственные обнародовать пока стесняется. Предпочитает произведения своих кумиров, в частности Пушкина. 31 января 1893 года поэт-гимназист декламирует стихотворение «Клеветникам России». Ему также близки настроения, выраженные Пушкиным в другом шедевре: «Поэт и толпа». Не случайно один из ранних поэтических набросков в «Первой гимназической тетради» Волошина содержит их отзвуки:

Пускай осмеян я толпою,

Пусть презирает меня свет,
Пуускай глумятся надо мною,
Но всё же буду я поэт.
Поэт и сердцем и душою.
И с непреклонной головою
Пойду среди всех этих бед.
Мне дела нет до мнений света –
Пустой бессмысленной толпы.
Ей песни не понять поэта,
Ей не понять его мечты.

Ранние, гимназические стихи Волошина мало чем напоминают те, которыми сегодня зачитываются любители его поэзии. Хотя справедливости ради отметим, что в приведённых выше подражательных стихах звучат пророческие ноты. Образ поэта, идущего «с непреклонной головою» среди бед и «пожарищ мира», повторится на новом уровне в стихах о России и воплотится в судьбе самого Волошина, взявшего на себя смелость обратиться с проповедью добра к охваченной бесовщиной «бессмысленной толпе». Разумеется, юного поэта привлекает не только гражданская тема. «И природу воспеваю, восхищённый», – признаётся он в одном из стихотворений.

Увлечение Макса разделяет узкий круг его товарищей по гимназии, в частности П. Зволинский и Н. Давыдов. Поэт близко сходится с одарённым юношей, учащимся Земледельческой школы, Модестом Сакулиным. Они читают друг другу собственные опусы, с жаром говорят о большой поэзии и даже выпускают рукописные журналы. До серьёзных публикаций ещё далеко. Первое стихотворение Волошина будет напечатано уже в Феодосии, в 1895 году, но сам поэт признает своим подлинным дебютом поэтическую публикацию в журнале «Новый путь» (1903).

Лето 1891 года Макс Волошин проводит частично на даче в селе Матвейкове Звенигородского уезда, где живут его родственники Лямины, частично – в Троекурове. Многочасовые пешие прогулки, погружение в мир природы. Записи в дневнике выводятся уже рукой поэта, художника, человека, которому предстоит воспеть красоты Италии, Испании, Франции и, конечно же, Восточного Крыма. Пока же олитературируется пейзаж средней полосы России: «Громадные липы, тёмно-зелёные неуклюжие, но красивые дубы, зелёные сосны и ели, пихты, плакучие ивы, склонившиеся над зеркальной поверхностью пруда и купающие в нём свои печальные ветви... полуразвалившиеся каменные здания, заросшие хмелем и плющом и усыпанные розовыми, красными и белыми, сильно пахнущими цветочками повилики, красиво рисуются в группах деревьев, манящих скорей под сень свою, к берегу маленькой речки спастись от палящего жара...» Как тут не вспомнить первое его определение поэзии: это «есть гармония души со всем окружающим» (запись сделана 12 октября 1892 года).

Всё чаще проявлялось и свойственное его натуре чувство юмора. Тоскуя по общению со сверстниками, он весьма своеобразно отпрашивается у матери навестить родственников в селе Матвейкове, что в тридцати трёх верстах от Москвы. Начинает юный артист издали:

- Можно ли мне, мама, пойти погулять?
- Иди.
- Мне бы хотелось только подальше, на тридцать третью сходить пешком.
- Иди.
- Только мне уж, мама, лучше оттуда по железной дороге приехать.
- Приезжай.
- Знаете, мама, ведь не стоит туда на один день идти, там уж так, с недельку пожить надо.
- Живи!
- Так, мама, я лучше уж и туда поеду?

– Поезжай, только отстань!

Бывая в Москве, Волошин часто гостит у бабушки по материнской линии, Надежды Григорьевны Глазер, которая может высказать внуку горькую правду в глаза («Боже! Как же ты поправился!»), склонна она и поиронизировать, и любя пожуричь.

Между тем в судьбе самой Елены Оттобальдовны происходят некоторые изменения. Осенью 1889 года она знакомится с врачом Павлом Павловичем фон Тешем, отношения с которым спустя год переходят в разряд близких. Фон Тешь (так писалась до революции его фамилия), отец четырёх дочерей, живший последние десять лет отдельно от семьи, поселяется с Еленой Оттобальдовной и Максом в Волконском переулке.

Вот какой запомнилась Елена Оттобальдовна близко знавшим ее людям в середине 1880-х годов: «...в официальных случаях надевала прекрасно сшитое чёрное шёлковое платье... обычно же носила малороссийский костюм с серым зипуном... Она была большая спорщица... ездила верхом в мужском костюме и... её оригинальность бросалась в глаза больше, чем её красота».

А жизнь идёт своим чередом. Макс Волошин участвует в домашних спектаклях на квартире Сакулина (ставятся сцены из «Бориса Годунова»), посещает театры, зачитывается Достоевским («Униженные и оскорблённые», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот») и Салтыковым-Щедриным («История одного города», «Помпадур и помпадурши»), пишет много стихов, которые пытается упорядочить в «Гимназических тетрадах». В предисловии к «Избранному» (разумеется, рукописному) он сообщает, что не остановится на этих стихотворениях, а пойдёт дальше. Автор просит «каждого, кто будет читать мои стихотворения, написать, какие он считает лучшими, и затем, какие недостатки он в них находит...». И далее – весьма характерный наказ, «чтобы с этой тетрадкой обращались осторожно и не замарали, а главное, чтоб не писали ничего своего на её полях. Критические замечания прошу писать на отдельных листочках». Вот уж воистину: «Учёный малый, но педант». Может быть, и права Марина Цветаева в отношении «германства» Волошина – обстоятельность и аккуратность...

Макс вновь задумывается о том, что такое поэзия: «В каждом создании, везде, во всей природе, даже в самых низших проявлениях её, заключается поэзия, но только её надо там найти...» И ещё одно умозаключение: «Идеал красоты – это сама природа. А люди в своих искусствах только стараются достигнуть этого идеала, но не могут...» Тем временем набирают ход занятия в пятом классе гимназии. Среди учебных книг – «Югуртинская война» римского писателя и государственного деятеля Саллюстия Криспа, «Анабасис» Ксенофонта, «Метаморфозы» Овидия, «Одиссея» Гомера, сборник латинских упражнений К. Павликовского и «Греческая грамматика». Волошин вникает в исторические хроники Шекспира, зачитывается «Слепым музыкантом» Короленко, переводит одно из стихотворений О. Барбье. Среди книг домашней библиотеки наибольшей популярностью пользуются «Французская революция», «Мученики Колизея» Е. Тур, «История России» А. К. Толстого, стихотворения Байрона и Некрасова, многочисленные тома Л. Н. Толстого. Библиотекой Макса пользуются и его однокашники. В учёбе юноша, как и прежде, не блещет: по латыни и греческому – «двойки», по русскому языку – «три». Елена Оттобальдовна недовольна – запрещает воскресные прогулки и общение с друзьями. Тем не менее юноша твёрдо решил после гимназии поступать на историко-филологический факультет, а дальше – стать писателем или журналистом.

Круг чтения всё более расширяется: «Дневник лишнего человека» Тургенева, «Ярмарка тщеславия» Теккерея, «Дон Карлос» Шиллера, «Собор Парижской Богоматери» Гюго, «В небесах» Фламариона. О последнем появляется запись в дневнике (5 марта 1893 года): «Самая интересная мысль этого романа та, что Фламарион называет тело „временной оболочкой души“». Мысль эта многократно и по-разному будет воплощаться в поэзии Волошина.

Впрочем, иногда было не до высоких материй, поскольку «временная оболочка души» Макса подвергалась нападениям. Профессор-биохимик С. Л. Иванов, учившийся в той же

гимназии, вспоминает, как он вместе с такими же сорванцами, по наущению одноклассника Волошина – Володи Макарова, хромого от рождения и, очевидно, в какой-то степени психически неуравновешенного, подкарауливали толстого и неповоротливого гимназиста, щипали его за мягкие места и разбегались. Повадки «злых детей» вскоре были Волошиным изучены, и последовали ответные действия. Сергей Иванов вспоминал: «...не успел я ущипнуть его как следует, как он быстро повернулся и дал ладонью такого тумака, что я растянулся на земле. Я помню только склонённые надо мной большие круглые добродушные глаза и просьбу оставить его в дальнейшем в покое». Возможно, это был единственный случай «противления злу насилием» со стороны Макса Волошина; отношения же его с Сергеем Ивановым останутся вполне дружескими, как и с тем же Владимиром Макаровым.

17 марта 1893 года Волошин записал в дневнике: «Сегодня великий день. Сегодня решилось, что мы едем в Крым, в Феодосию, и будем там жить. Едем навсегда!.. Прощай, Москва! Теперь на юг, на юг! На этот светлый, вечно юный, вечно цветущий, прекрасный, чудесный юг!» Начинается новая, «киммерийская», эра в жизни и творчестве Максимилиана Волошина.

СТРАНА СИНИХ СКАЛ

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я – душа моя разьялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов...

Как в раковине малой – Океана...

Итак, 3 июня 1893 года сбывается мечта Макса о юге: вместе с Еленой Оттобальдовой он отбывает в Коктебель. Решение это, по-видимому, было вызвано дороговизной жизни в Москве, а тут ещё подвернулся случай – продажа относительно дешёвых участков земли. Павел Павлович Теш «покупает пополам с мамой у профессора Юнга» 20 десятин, пишет в своём дневнике Макс. Настоящее «маленькое имение. Всего в версте от моря... Горы от нашей земли всего в верстах четырёх или пяти... Там самые лучшие камушки, какие только есть на всём... побережье Крыма... Что касается купанья, то лучшего и желать нельзя».

История этих мест уходит в седую древность. Ещё античный географ Страбон (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.) в IV главе VII книги своей «Географии» упоминает «таврическое побережье длиной около тысячи стадий. Побережье это каменистое, гористое и подвержено сильным бурям с севера... В гористой области тавров есть также гора Трапезунт (Столовая), одноимённая городу, расположенному поблизости от Тибарании и Колхиды. Вблизи этой же гористой области есть и другая гора Киммерий... За упомянутой гористой областью лежит город Феодосия. Город занимает плодородную равнину и обладает гаванью, могущей вместить сто кораблей. Этот (залив) прежде был границей между землями боспорян и тавров». Комментируя этот текст, историк и краевед А. К. Шапошников отмечает «факт прохождения границы между владениями боспорян и землёй тавров. Археологические исследования в округе Коктебеля выявили два пограничных боспорских укрепления (городища) – Биюк-Енишарское, контролировавшее Узун-Сыртский перевал, и Сары-Каинское, охранявшее древний тракт, переходивший из урочища Ак-Мелез через седловину Сары-Каи в балку Янтык... Арриан в своей лоции Чёрного моря, которую он составил около 131–137 гг. н. э., сообщает о непосредственной округе Коктебеля... Тридцать километров каботажного плавания от Феодосии приводят к Кара-Дагу, в зависимости от характера маршрута либо к устью Кордонной балки, либо Карадагской балки. В любом случае, это – древнейшее конкретное упоминание местности близ Коктебеля» («Коктебель.